

ХОМУТОВСКАЯ МАРИЯ

НОЧНАЯ
ВЕДЬМА

12+

Мария Хомутовская

Ночная ведьма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66592222

SelfPub; 2021

Аннотация

Лонг-лист конкурса Литрес "Заколдованные сказки"

Бывшая летчица рассказывает внуку, как во время войны посадила подбитый самолет в лесах Ленинградской области. Вот только ночной лес оказался загадочным местом, из которого прежним уже не выйдешь...

Мария Хомутовская

Ночная ведьма

Я шагал по лесу под морозящим дождем прямо за бабой Галей. Брезентовый рюкзак отсырел и оттягивал плечи, а в руке я нес свою гордость – голубой бидончик, полный ароматной морошки!

Эти ягоды я сам собрал за целый день.

Позади меня шли мама с папой. Они несли палатки и разную всячину для ночевки, потому что обратный путь нам предстоял только завтра. Папа в панаме выглядел очень забавно, а ещё выше панамы над головой у него возвышалась алюминиевая рама рюкзака с притороченным к ней спальным мешком. Мама тоже несла пузатый рюкзак, и последний час лицо у неё было такое, будто вместо морошки она съела лимон.

Когда в лесу стало темнеть, мама немного забеспокоилась. Но баба Галя была деловита и собрана, как всегда. Она указала почти ровный пригорок между деревьями и сказала:

– Вот, где мы палатку разложим.

«Разложим» – это она как-то неправильно говорит, ведь палатку «ставят». Но когда я ее поправляю, бабушка только смеется.

Она уже бодро шагала к намеченному месту, а мама с папой покорно плелись следом, проваливаясь резиновыми са-

погами в мягкий мох. Мы все очень устали, и я слышал, как мама шепнула папе: «Не стоит того эта морошка!»

А вокруг шумел лес. Здесь он был большой и настоящий, не те саженые ровными рядами деревья, как возле поселка. В саженый лес мы часто ходили за грибами. Там пружинила под ногами земля в еловых иголках, но морошка там не росла. Баба Галя говорила, что эта ягода любит болота.

В этом году мне уже десять, и бабушка решила, что я достаточно взрослый, чтобы пойти с ней в «большой» лес, но родители побоялись отпускать меня с ней одного, и увязались с нами.

Место, что указала баба Галя, действительно оказалось хорошим: сухо и ровно, рядом ручей. Пока родители ставили палатку, я сбегал к нему с котелком и набрал воды.

Костер разводила бабушка. Когда она чиркнула спичкой, я даже дыхание задержал. За целый день хождения по болоту наши куртки, рюкзаки и все их содержимое отсырели, но спичка разгорелась тотчас, без единой заминки. А через секунду жаркий огонь перебросился на сырые дрова. У бабушки какая-то странная любовь с огнем. Он будто слушается её.

А она сняла с головы платок, повязанный на манер банданы, так что стали видны торчащие в разные стороны короткие, совершенно седые волосы, сверкнула на меня веселыми глазами и сказала:

– Ну, чего встал, Костик? Давай скорее котелок!

Котелок был её, зеленый, армейский. Я думал, что он

остался с войны, но бабушка сказала, что с войны у неё ничего не осталось, а этот ей дед подарил уже после, когда она с ним познакомилась.

Пока вода закипала, папа притащил к костру бревно, чтобы сидеть, а мама открывала тушенку и резала на коленях хлеб.

Вокруг сгущалась темнота. Она накапливалась под деревьями, будто окружая нашу полянку. От неё веяло жутью, и в то же время она меня завораживала.

Я ведь раньше не бывал ночью в лесу. Поэтому пока готовился ужин, я отошёл на десяток шагов от костра и смотрел вокруг во все глаза. Но они обманывали: вон из-под земли лезет какой-то черт, но я-то знаю, что это всего лишь пень. Вон Баба Яга смеется, запрокидывая голову, но это просто ветер раскачивает ветку.

Тогда я закрыл глаза. Так было ещё страшнее: шорохи, скрипы, шелест, будто кто-то подбирается.

– Костик! Иди кушать! – теплый мамин голос разогнал всю жуть.

Я вернулся к костру и присел на бревно. Мама подала мне миску с гречей и тушенкой и алюминиевую ложку. Дно у миски было горячее. Я натянул рукава куртки на руки, чтоб её держать и стал есть.

Вдали ухнула сова.

– Я же говорил, что надо было взять приемник, – проворчал папа. – С музыкой веселее.

Я видел, что им с мамой тоже не по себе. Мама все переживала, что замерзнем ночью, что лиса съест наши припасы, что дождь пойдёт. Но бабушка Галя только отмахивалась.

– Нашла беду! Не выдумывай!

И прихлебывала из жестяной кружки обжигающий чай.

После еды папа сразу полез в спальный мешок, мама и меня стала гнать в палатку спать. Я упирался, как мог, мне хотелось ещё посидеть у костра. Бабушка положила конец нашим пререканиям, сказав:

– Отстань от мальчика, Светка! Мы с ним посидим ещё чуток и придём. Он же первый раз в лесу! Где вы у себя в городе такие звезды увидите?

Она запрокинула голову, а мы с мамой вслед за ней. Оказалось, что пока мы ели, морось прекратилась, и в прорехи низких облаков стали видны звезды. Далекие светящиеся точки казались живыми, переливались и моргали нам в темноте.

– Нам завтра надо в шесть подняться! – проворчала мама, скрываясь в палатке.

Но баба Галя взяла меня за плечи и усадила назад к костру.

Очень здорово было сидеть и смотреть на огонь. Слышно было, как родители переговариваются в палатке, как комары тихо пищат надо мной и дышит, шевелится лес.

Бабушка протягивала руки к языкам пламени, будто грелась, хотя ночь была теплая. Мне казалось, что она хочет к

нему прикоснуться или даже поймать в ладонь.

Вдруг что-то хрустнуло прямо у меня за спиной.

Я повернулся, вглядываясь в темноту, а бабушка сказала:

– Не бойся, Костик, ветка упала.

И я увидел на её лице ласковую улыбку.

– Бабушка, вот как ты леса не боишься? – спросил я. – А вдруг медведь?

– Медведь к огню не пойдет, – рассмеялась она. – Да и видала я вещи пострашнее медведей. Меня уже ничем не пугаешь.

Я знал, про что она говорит. Про войну. Про неё всегда так говорят, а то и вовсе молчат.

– А расскажи! – почему-то шепотом попросил я.

Она глянула на меня своими веселыми глазами с морщинками в уголках, словно не верила, что я хочу её слушать.

– А не испугаешься?

Мне даже не по себе стало, но внутри уже свербило возбужденное нетерпение, пробегало мурашками по спине предвкушение жути.

– Нет, ба! Расскажи!

Тогда она уставилась на костер очень серьезным немигающим взглядом.

– Ну слушай, малыш.

И мне показалось, что пламя стало ярче, а когда баба Галя заговорила, я будто увидел всё, о чем она рассказывала.

Сорок лет минуло с тех пор. Было мне двадцать, когда война началась. Я училась в Ленинграде в летном. Самые смелые и веселые ребята там были! Суд да дело – вот я уже в поле и задача остановить врага на подступах к Ленинграду.

А немцы наступают. Что они тут творили, ты бы знал! Целые деревни уничтожали! Сгоняли людей в какой-нибудь дом и заживо сжигали. Кто бежал – расстреливали в лесу. Вся земля в крови, до сих пор чувствуется.

Она тяжело вздохнула.

– Мы с Мишкой Поповым, штурманом, летали вдвоем на новенькой «сушке»(1). Меня часто посылали в разведку, наверно потому что девка. Но и боевые вылеты были. Только сейчас речь не о них...

К тому времени я сделала двенадцать вылетов, а этот был тринадцатый. Нам надо было уточнить расположение немцев, на сколько они продвинулись.

Взлетели ночью, чтоб не засекали, с Сиверского аэродрома, тут недалеко, – она махнула куда-то в сторону. – Все шло по намеченному, но бывает так, что чувствуешь – быть беде!

Подбили мою ласточку! С воздуха расстрелял вражеский Мессер(2). Фюзеляж загорелся, и мы с Мишкой горели внутри.

Никакой не было возможности спастись: парашюта не брали – малая высота. Мишка не отвечал, я потом уже увидела, что его осколком снаряда убило.

А я сделала, что могла: развернулась, чтобы до аэродрома

дотянуть. Но когда поняла, что уже не вижу ничего, пошла прямо в лес на посадку.

Бабушка вдохнула и подбросила в огонь полено. Я слушал, затаив дыхание.

– А дальше, ба?

– Плохо я это помню. Самолет трясется, кругом пламя, кожу жжет, дым забивается в рот и нос, в горле саднит. Ударилась о землю сильно, но все-таки кое-как смогла выбраться из кабины.

И давай по земле кататься, чтобы огонь сбить. Только сырая трава и спасла.

И вдруг услышала: совсем рядом кто-то крикнул по-немецки. Куда же я приземлилась?

Не помня себя, бросилась я бежать через лес. Уж лучше в болоте пропасть, чем к фрицам угодить в плен.

Бежала я долго, ветки по лицу хлещут, кожа на руках и ногах горит огнём, гимнастерка вся обгорела, ноги проваливаются в топь чуть не по колено.

Бегу, все кружится вокруг от боли, кажется, что фашисты преследуют, а в другой раз – будто деревья мне что-то шепчут. Выбилась из сил, совсем стало неважно, тогда привалилась я к какому-то дереву и сознание потеряла.

Проснулась там же. Тело все болит, жжёт, не шевельнуться. Темно кругом, тихо, ни единой живой души, только лес о своём нашептывает да звезды в небе переглядываются.

Я поняла, что живая. Только машину потеряла, Мишка

погиб, куда идти не знаю. Да и как идти? Тело как чужое и будто ножами режет.

Так и сидела – не встать – дрожала, то ли от холода, то ли от страха.

И все прислушивалась, казалось, что немцы рядом рыщут. Даже глаза закрыла. Нет, это листья шуршат да звери лесные.

А когда открыла, гляжу – впереди огоньки светятся. Зеленоватые, вроде светлячков, но они все ближе и ближе ко мне.

Я пригляделась и такое увидала, что у меня язык к небу прилип и волосы дыбом встали.

Ко мне шли люди. В обычной одежде с каким-то скарбом, женщины, дети, старики. Да только глаза у них зеленым неземным светом сверкали. И все ближе и ближе они ко мне подходили.

Мертвые! Откуда слово пришло, не ведаю, да только мертвые и все тут!

Я ни пошевелиться не могу, ни закричать, ни глаз от них отвести. Я всегда не из робких была, но в тот момент враз поседела.

А они подошли к самому моему пригорку, человек двадцать, и остановились.

Одна женщина сделала шаг вперед и носом потянула, а потом сказала простым человеческим голосом и русским языком:

– Наша.

И сразу, гляжу, они словно преобразились. Зеленый свет

исчез из глаз. Побрели они мимо, будто меня и нет, только женщина напротив стоять осталась.

С виду обычная: лет сорок, лоб высокий и чистый, простое ситцевое платье, рабочий передник, волосы убраны под платок. На плече сумка.

Так и гляжу я на неё, а она – на меня.

– Ирина, – она протянула мне руку.

Я прикоснулась к ней, не в силах слово сказать. Рука у Ирины была холодной, будто она белье полоскала в реке.

– Ты ранена, – указала она на мои ожоги. – Давай тебе помогу.

И сейчас же полезла в заплечную сумку, вытащила бинты и какую-то траву.

А я наконец осмелилась заговорить.

– Кто вы? – спросила я.

– Мы из Тарасовки, – кратко ответила Ирина, деловито разминая траву в ладони и прикладывая к моим ожогам. Прикосновение её рук приятно холодило.

Внезапно я вспомнила про Тарасовку. Ведь это село было, здесь недалеко. Фашисты его хотели сжечь, но жители бежали. Целый день немцы их преследовали по лесу, пока не загнали в болото. В нем все тарасовцы и утонули.

Снова холод пробежал по моей спине.

– Замерзла? – понимающе спросила Ирина.

Я только кивнула.

Тут к нам подошёл ражий старик и уселся рядом со мной

на траву.

Он достал из кармана махорку и обрывок газеты. Аккуратно работая пальцами, стал скручивать себе папиросу. Я смотрела на него во все глаза. С виду мужик как мужик. А что же это такое было пару минут назад?

Запах махорки, донесшийся до моих ноздрей был вполне настоящим.

– А ты летунья, значит? – обернулся старик ко мне, доставая из-за пояса флягу.

Я снова кивнула.

– Эх-хе-хе, – вздохнул он. – Вот, бывало, и я...

Тут он погрузился и умолк, сделав большой глоток из фляги.

Стало тихо. Ирина продолжала лечить меня неизвестной травой, прикладывая её к ранам. Старик молча курил. А вокруг без единого звука кружили бестелесные тени. Странно, но я больше их не боялась.

Вскоре вся боль ушла, осталась только усталость.

– Как тебя звать? – спросила Ирина, заканчивая лечение.

Она обмотала мою руку и ногу бинтами.

– Галя, – отозвалась я.

– Вот, на, поешь, – она вынула из той же сумки и протянула мне кусок ржаного хлеба.

А старик, крякнув, подал мне свою флягу.

Я только руку протянула, и тут мысль мелькнула: откуда у них хлеб-то взялся?

Подняла взгляд на Ирину. И снова мне почудилось зеленое свечение у нее в глазах. И у старика тоже.

Она будто мои мысли прочла:

– Оставайся с нами. Тебе все равно из леса выхода нет.

Вот оно как! Если съем что они предлагают, то стану одной из них.

Я даже отшатнулась.

– Нет!

– Да ты не пугайся, – рассмеялась Ирина так просто, по-человечески. – Зла мы тебе не желаем, мы только фашистов в чашу заманиваем.

На этих словах глаза у нее вспыхнули, как у кошки.

– Но ты умираешь. Не хочешь к нам, тогда спи, к утру все закончится.

У меня даже слезы выступили на глазах.

– Я не хочу умирать! – сказала ей. – Я к своим хочу вернуться! Покажи только, куда идти! Хоть ползти буду, а выберусь!

В подтверждение своих слов я пошевелилась и, преодолевая тяжелую усталость, медленно поднялась на ноги. Мышцы задеревенели, но я смогу идти.

Но Ирина грустно покачала головой.

– Не выйти тебе из леса. Ты уже на другой стороне.

На какой ещё другой?

– Не верю! – топнула я ногой. – Пусть не выйду, так хоть попытаюсь!

Старик хрипло рассмеялся.

– Молодец, девка!

А Ирина задумчиво так проговорила:

– А вообще, может и сдюжишь... Тебя ведь огонь погубил? Если сможешь его приручить, может, он тебя из леса выведет. Только все равно прежней тебе уже не быть.

Холодок от её слов так и заструился по спине.

– Что это значит?

– Нас вода не отпустила, – тихо ответила Ирина и отступила на шаг.

Старик тоже поднялся.

– Бывай! – сказал он.

– Постойте! – испугалась я такой резкой перемены. – Что мне делать нужно?

– Иди к огню! – сказала Ирина и указала рукой вправо.

Её глаза уже сияли зеленым светом, а старик побрел от нас, тихонько бормоча:

– Эх-хе-хе...

Я посмотрела, куда она указала, но ничего не увидела, кроме того же кромешно-темного леса. А переведя глаза снова на Ирину, не увидела и её. Она, старик, тени – все исчезло. Я даже руками пошарила от неожиданности.

Где же мне найти в этом непроглядном лесу огонь?

Но делать нечего, надо идти. Стоя на месте, уж точно никуда не придешь.

Я побрела среди деревьев. Ветки больше не мешали, а буд-

то меня сторонились, ветер не играл листвою, ноги не утопали в болотистой траве. Может, и правда, я умерла? Стала одной из призраков Тарасовки... И из леса мне не выбраться.

Но тут деревья словно расступились, и я увидела огонь.

Пылал мой самолёт. Но горел он так, словно его только что подбили. Пламя еще только пробежало по краю крыльев, точно мотылек.

А рядом сидел на траве Мишка.

Увидев меня, он вскочил и бросился меня обнимать.

– Галя! Я уж думал всё, не вернешься!

У меня ком в горле встал. Объятия его были крепкими и теплыми, как настоящие.

– Что будем делать, Миша? – выдавила я, когда он меня отпустил.

– Летим скорее к нашим! – воскликнул он, будто не замечая яркого пламени.

– Летим! – ответила я.

Голова моя была пуста.

Я забралась в кабину. Приборная панель, сидение – ничего не пострадало. И стоило потянуть рычаг, как послушно застрекотал винт. Дождавшись, пока штурман устроится на своем месте, я заставила машину взмыть в воздух.

А огонь подбирался к кабине, стал кусать за руки, за одежду, снова я ощутила его жгучие поцелуи. Я знала, что скоро он сожрет нас с Мишкой, но мне ничего больше не оставалось, кроме как лететь вперед сквозь ночь.

Вскоре я увидела, что вместо крыльев у нас – обгоревшие палки, что вокруг все пылает и пламя перекинулось на меня.

Я поняла, что это конец, и дико закричала.

В этот миг я увидела, что вдали из-за черных елей выползает сияющий краешек солнца. И его золотой свет слился в единое целое с огнем...

И тогда я умерла.

Так мне показалось. На самом деле я проснулась.

Я сидела под тем же деревом на пригорке. Вокруг болото, гимнастерка обгорела и нет ни единой надежды на спасение. Но сквозь полуприкрытые веки я разглядела, что уже рассвет.

Из-за дерева вышел солдатик.

– Галя! – вскричал он.

– Валя! – узнала я нашего механика и, тяжело поднявшись, кинулась его обнимать.

Оказалось, что нас с Мишкой всю ночь искали. К утру бросили это дело, но Валя не сдался. Ближе к восходу увидел каких-то зеленых светлячков, вот и пошел сюда.

В часть мы вернулись благополучно. Руки и ноги у меня обгорели, но не так сильно, как казалось. Мишку мы возле аэродрома похоронили. Я продолжила летать.

В сорок втором году на Южном фронте появился женский авиационный полк, который фрицы окрестили «ночными ведьмами». И хотя я не была одной из тех отважных девочек, я тоже стала себя так называть.

Много ещё всякого бывало, но этот случай на всю жизнь мне запомнился. А к старости лет меня ближе к лесу потянуло, вот и поселились здесь в Дружной Горке с дедом. Жаль, что он не долго прожил.

А теперь пора спать, малыш.

Бабушка ласково погладила меня по голове.

От её прикосновения я словно очнулся. Ее голос и её приключения так меня заворожили, что я и не заметил, как история закончилась.

Костер догорал, но она подкинула в него последнее полено. У меня глаза слипались.

– Иди, Костик, ложись, – повторила баба Галя. – Сейчас догорит, и я приду.

Я поднялся и вяло поплелся в палатку. Заглянул внутрь: мама с папой уже заснули. Я залез в спальный мешок и задумался о бабушкиной истории.

Выходит, что ей сон приснился... Или ей в самом деле её призраки Тарасовки помогли? Сейчас в темноте леса в это легко было поверить.

Тогда я не удержался, вылез потихоньку из мешка и выглянул из-за брезентового полога посмотреть на бабушку: что она там делает?

Баба Галя сидела у костра и глядела на огонь, который плясал перед ней прямо в раскрытой ладони. Я потерял глаза, но видение не исчезло.

Она сомкнула ладонь, и костер тоже стал угасать.

Тут папа заворочался во сне, я скорее отдернул полог и вернулся на свое место.

В спальном мешке было уютно и тепло. Папа тихонько храпывал.

"Только прежней тебе уже не быть" – пронеслось предупреждение в голове.

С этой мыслью я и уснул.

Мне снился пригорок в лесу среди болота. На нем стояла брезентовая палатка, а рядом горел костер. Вокруг костра собрались люди. Они разговаривали, смеялись, передавали во кругу флягу и пели «Катюшу». А услышав громкий смех, я узнал среди них бабу Галю. Рядом с ней сидел парень в гимнастерке, его я видел на фото – это Миша Попов, бабушкин штурман. С другой стороны сидел мой дед, такой, как я помню: с белой бородой и в вечном ватнике. Остальные были в обычной одежде, не военной.

Высокая худая женщина в платке со строгим лицом красиво пела и улыбалась. А напротив неё дымил махоркой крепкий старик...

Утро выдалось более приветливое, чем вчерашняя серость: солнце золотило верхушки елок. Мама подняла всех ни свет ни заря. Мы с папой, ворча, умывались в ручье. А я поискал глазами бабушку.

Она у костра кипятила воду для чая. Бодрая и веселая, как обычно.

Когда чай был готов, все наскоро перекусили, собрали вещи и двинулись в обратный путь.

Баба Галя, как всегда, шагала впереди, что-то рассказывала про лес, про эти места, а я нет-нет – да и взгляну на неё.

При свете дня её история казалась страшной сказкой. Вот только сон мне приснился очень уж странный.

– Ба, скажи, это же был тот самый пригорок, да? – потихоньку спросил я. – Про который ты рассказывала.

Бабушка хитро улыбнулась.

– Под ноги смотри, Костик! – ушла она от ответа.

Но в один момент мне показалось, что в её веселых глазах плещется настоящий огонь.

Примечания.

(1) Имеется ввиду Су-2 – советский лёгкий бомбардировщик времён Второй мировой войны Конструкторского бюро Павла Сухого.

(2) Мессершмитт Вф 109 – одномоторный поршневой истребитель-низкоплан, состоявший на вооружении Люфтваффе.